

ПАТРИОТИЗМ КАК СУЩНОСТНОЕ ЯВЛЕНИЕ КУЛЬТУРЫ

М.Х. Халимбекова
(Россия, Махачкала)

В статье на основе методологического подхода, общего для любой исторически конкретной культуры и цивилизации о принципиальном различии патриотизма в культуре и в цивилизации, приведены обоснования к рассмотрению патриотизма как содержательной части культуры, основанного на национальном сознании и самосознании, на религии, а также на сущностной тождественности с гуманизмом и духовностью. В культуре как многоуровневом явлении интересующие составляющие, социальные смыслы, образующие ее истоки и основы, придающие ей важнейшие функциональные ориентации, интегрируются в понятие патриотизма. Этот культурный стовп нашего духа органично связан со многими подобными по значимости для человеческого духа смыслозначимыми ценностями. В первую очередь, патриотизм соотносится с национальным сознанием и самосознанием. На основе трудов как отечественных, так и зарубежных философов и культурологов показано, что прежде всего через духовность и гуманизм ценностная ориентация культуры общества сопряжена с процессом развития патриотизма. В контексте современных социокультурных реалий рассмотрены противоречия между декларируемыми гуманистическими идеалами и ценностями и действительной социально-политической практикой, имеющей непосредственное отношение к молодежи.

In the article, based on a methodological approach, common to any historically specific culture and civilization of the fundamental difference between patriotism and the culture of civilization, are justification for consideration of patriotism as the content of the culture, based on the national consciousness and identity, the religion, as well as on the essential identity with humanism and spirituality. In a culture as a multi-level phenomenon, intersubjective component, the social meanings that make up its roots and foundations that give her the most important functional orientation, integrated in the concept of patriotism. This cultural frame of mind of our organically connected with many similar in importance to the human spirit vitally meaningful values. First of all, patriotism is related to the national consciousness and identity. Based on the works of both home and foreign philosophers and cultural scientists demonstrated that it is primarily through spirituality and humanism culture value orientation of society involves a process of development of patriotism. In the context of contemporary social and cultural realities of the contradictions between the declared address humanistic ideals and values and the real socio-political practice of direct relevance to young people.

Ключевые слова: культура, цивилизация, патриотизм, духовность, гуманизм, национальное сознание и самосознание, религия, этнос, гражданская идентичность, идеалы и ценности.

Key words: culture, civilization, patriotism, spirituality, humanism, national consciousness and identity, religion, ethnicity, civic identity, ideals and values.

Представления о патриотизме как о содержательной части культуры требуют развертывания с точки зрения философского анализа с опорой на историю и теорию культуры. Для этого в нашей статье мы исходим из методологически принципиального подхода, общего для любой исторически конкретной культуры и цивилизации. Суть этого подхода – в принципиальном различии, статусе патриотизма в культуре, с одной стороны, в цивилизации – с другой. Патриотизм неотделим от этих диалектически неразрывных противоположностей человеческого историчности, хотя он и выполняет в них несоизмеримо разные функции. В цивилизации патриотизм функционирует как данность, как событие, тогда как в культуре он предстает как глубинное, как «сущностное явление» [12, с. 305]. И дело здесь в специфике самих этих противоположностей – цивилизация предстает как внешнее, феноменальное, результативно-продуктивное, тогда как в связи с ней культура функционирует как сущностно-содержательный формообразующий детерминант. Системное влияние на патриотизм, с одной стороны, культуры, с другой – цивилизации, не очевидно, но определено, что будет продемонстрировано в данной работе.

Разумеется, сама связь цивилизации и культуры не столь определена, она конкретно-исторична, проявляет и особенные и единичные стороны. Потому, как нам представляется, рассмотрение понятия патриотизма возможно по нескольким направлениям. Чаще всего в общественном сознании встречается идеологический подход, когда патриотизм понимается как любовь к отечеству, готовность служить интересам

родины. Социологический подход предусматривает рассмотрение патриотизма как ценностной ориентации (личность-общество), как нравственно-эмоциональной связи, как единство географических, этнических, религиозных, эстетических, исторических характеристик, включающихся в понятие «родина». И наконец, социально-философский, культурологический подход рассматривает патриотизм «как отражение духовной культуры индивида и общества в целом. Содержанием этого подхода является любовь к отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы родины. Надо полагать, и мы здесь солидарны с мнением, что «данный подход рассматривает патриотизм как важнейшую сторону личной и общественной культуры духа...» [7, с. 48].

В культуре как многоуровневом явлении intersубъективные составляющие, социальные смыслы, образующие ее истоки и основы, придающие ей важнейшие функциональные ориентации, интегрируются в понятие патриотизма. И этот культурный остов нашего духа органично связан со многими подобными по значимости для человеческого духа смысложизненными ценностями. В первую очередь, патриотизм соотносится с национальным сознанием и самосознанием. Национальное сознание отражает довольно сложную и подвижную систему общественных отношений и по своему содержанию многопланово и многоуровнево, тогда как национальное самосознание, будучи рефлексией мышления над национальным сознанием в строго рационализированной форме, фиксирует самое главное – назначение и сущность собственного бытия того или иного этноса или народа. Национальное сознание – уровень индивидуального и общественного сознания, характеризующего национальную общность с точки зрения выражения ее самобытности.

Рациональное (или этническое – в данном контексте мы их не отождествляем, но особой надобности в их демаркации сейчас также не усматриваем) сознание предстает и как знание, и как понимание, и как чувство, основанные на признании уникального своеобразия определенной этнической общности. Такое сознание возникает как продукт социализации, последовательного освоения человеком культуры, традиций и обычаев своего народа, имеет объективные предпосылки в представлении о своем происхождении, осознании себя как представителя человеческого рода с особыми природно-биологическими и анатомо-физиологическими свойствами, внешнем обликом, определенными традициями и культурными ценностями и ролью в жизни народа, к которому себя причисляешь. Национальное чувство и достоинство, национальная гордость, другие компоненты национального сознания непосредственно (не рефлексивно) отражают сложную систему хозяйственных, социальных, политических, духовных отношений, результаты межэтнических взаимопроникновений, имевших место в исторической судьбе народа.

Тем не менее, в этой связи патриотизма и рассматриваемых смысложизненных ценностей приоритетом не обладает ни национальное сознание, ни национальное самосознание. При всей близости последнего к патриотизму, он возможен и без оформленного самосознания социума. Правда, тогда он будет незрелым, не теоретизированным, не обоснованным, чреватый отклонениями и негативами. Поэтому, при всей исторической (практикующейся в истории) равноудаленности (и соответственно равноблизости) патриотизма от национального сознания и национального самосознания, по существу, логическим детерминантом патриотизма предстает национальное самосознание. И это потому, что в качестве сущностных признаков национального самосознания в нем главенствуют идеи «гражданственности», «государственности», «державности», которые лежат и в основе патриотизма [5, с. 35–38]. Следовательно, они и составляют проблемное поле теоретической трактовки патриотизма.

Не вдаваясь в характеристику каждого из этих составляющих патриотического сознания, ограничимся указанием на важность следующих обстоятельств. Отметим, что национальное самосознание детерминирует не только патриотизм, но и национализм. Только патриотизм является выражением судеб различных наций и народов, живущих на одной исторической Родине, а национализм является выразителем интересов одной конкретной нации, ее конкретного самосознания. Возможно, поэтому в советский период в воспитательной работе в обществе к национальному и этниче-

скому самосознанию относились несколько настороженно, всячески стимулировали возникновение и развитие некоего надэтнического самосознания, в частности в Дагестане, тенденцию «к зарождению и упрочению у детей общедагестанского самосознания» [8, с. 25]. Рассматривая связь патриотизма с национальным сознанием и самосознанием, надо учесть, что национальное сознание – отражение с учетом национальных интересов, иногда, сиюминутных потребностей, и поэтому в национальном сознании немало временного, подвижного, случайного и субъективного, что оно зачастую может привести и приводит к этнической замкнутости. Вот почему в этногенезе важен этап развития этноса до становления его самосознания.

Но сегодня, в том же Дагестане, возникает противоположная по направленности тревога. Поскольку дагестанец остается субъектом этнической и межэтнической социализации «педагогам необходимо строить систему воспитательной работы так, чтобы и в мононациональном коллективе у учащихся закладывалась прочная, непоколебимая основа сбалансированности этнического и полиэтнического начал, чтобы дагестанец не абсолютизировал собственную этническую идентичность, но и не утрачивал корней» [17, с. 47]. Сложность проблемы заключается в том, что этническое самосознание противоречиво в своем диалектическом богатстве – содержит в себе противоположности этнической идентичности и надэтнического сознания, межкультурной толерантности и коммуникации.

Национальное самосознание более устойчиво, оно – рефлексия мышления над национальным сознанием, позволяющая народу, нации или народности в значительно рационализированной форме осознать собственное назначение и сущность собственного бытия. Для сопоставления рассматриваемых здесь понятий наглядна, как считает М. Билалов, модель «трех матрешек» – старшая матрешка – национальное сознание, оно содержит в себе две другие – национальное самосознание, внутри которого рациональным ядром разместились патриотизм [6, с. 46].

Утверждая, что патриотизм состоит из доминирующих и лежащих в основаниях культуры ценностей и идеалов, мы предполагаем, что многосторонность культуры и политики проявляется в патриотизме через многоформность и многоуровневость национального самосознания. Его носитель как представитель нации осознает себя как ее часть (самоидентификация), и потому с момента рождения становится носителем национальной культуры. Для каждого человека это сознание является основой для включения в систему политических и общественных связей, для социализации. Обретение национального сознания и самосознания индивидом происходит в процессе социализации личности и тесно связано с поисками национальной и этнической идентичности. Нам представляется, что патриотическое воспитание индивида должно быть нацелено на обретение им в качестве главного статуса не этнической, а национальной идентичности, которая в странах с продвинутой демократией настолько развита, что совпадает с гражданской идентичностью. Из-за этого, в условиях дагестанской или российской действительности осмысление содержания и сущности патриотизма крайне затруднено. Усложняется проблема в ее практической плоскости и из-за неразвитости основных принципов гражданского общества, отсутствия гражданской нации.

Как известно, число этнических государств в мире неуклонно уменьшается, за счет чего увеличивается количество гражданских государств. Однако надежды на то, что «возможно, демократическое гражданское национальное государство, основанное на либеральном мультикультурализме, является наиболее приемлемым способом разрешения противоречий между "гражданским" и "этническим"» [10, с. 602], как нам представляется, не оправдались. Не оправдавшие себя даже в развитых странах Запада мультикультурализм и мультиидентичность в современной России и Дагестане не представляются, как отмечает М. Билалов, перспективной политикой. Права человека и другие приоритетные на Западе ценности массовой культуры как социального феномена в условиях России и Дагестана зачастую сталкиваются с чуждой им действительностью, инициируют обратную реакцию [6, с. 46]. Этим современные злоключения, выпадающие на долю патриотизма, не ограничиваются. Основные тео-

реческие проблемы патриотизма увязаны с соответствующими теоретическими вопросами становления гражданских обществ в российских регионах, а практическое решение общественно-политической задачи патриотического воспитания молодежи оказывается в непосредственной зависимости от успехов движения социума к гражданскому обществу и к гражданской нации. При этом, по возможности, должны быть учтены и новые обстоятельства эпохи глобализации и информационного постиндустриального общества.

Играющая в последние несколько десятилетий значимую роль в мировой истории глобализация, которая как процесс свободного распространения западной модели зачастую приводит к отрицательному результату [9, с. 478], в том числе, надо полагать, и в осмыслении и формировании патриотизма, проведении соответствующей реальной политики, что дает о себе знать и в России. Как и многие страны традиционной культуры, Россия и ее регионы пытаются противопоставить им традиционные, в том числе религиозные ценности, в которых некоторые народы видят единственную возможность сохранить выгодные и продуктивные для них экономические, политические и духовные отношения. Поскольку религия отражает стремление человека и общества к непосредственной связи с Абсолютом, своеобразной космизации человеческого бытия, выходу его за пределы узкоземного существования, то в культуре патриотизма религиозное сознание раскрывает человеку новые ценности и смыслы, в том числе, объясняет ему смысл жизни, устремляет его к высшим ценностям и нормам. В этой связи П.Л. Карабущенко обращает внимание на «элитные религиозные доктрины», важнейшей функцией которых являются «путь духовного совершенства человека», «восхождения человеческой сущности в сверхбытийные, божественные пределы» [11, с. 145, 149]. Разумеется, данный автор не отрицает причастность иных религиозных доктрин к понятийному совершенству патриотизма – оно сопровождается многими сакральными ритуалами и традициями, которые облагораживают поведение людей, стремящихся к обретению общности с родиной, единения с общественным благом, с целым социумом.

Но, на наш взгляд, есть очень важный критерий, основанный на сущностной тождественности патриотизма, гуманизма и духовности. При этом, конечно, надо учесть, что человечество сталкивается с невиданными препятствиями на пути к гуманизму и духовности. Как и для всей культуры, здесь сказывается влияние социально-политических, экономических и иных факторов. Гуманные и справедливые отношения к близким, к этносу, к Родине сегодня, в XXI в., получают более универсальный и всеобщий характер, распространяясь на природу, на жизнь вообще, и тем самым патриотизм кладет в основу более широкий гуманизм [15]. И когда мы пытаемся понять, какие ценности из прошлого достойны сохранения, а какие надо бы создать для формирования патриотизма, то на первый план выдвигаются духовность и гуманизм. Именно через них ценностная ориентация культуры общества сопряжена с процессом развития патриотизма.

Одним из первых в XX в. извещал и предостерегал от отступления от духовности и гуманизма Н.А. Бердяев. Такое отступление русский философ называл вступлением человечества в «бесчеловечное царство» и «царство бесчеловечности». Обеспокоенный судьбой человека в современном мире, пытаясь понять дух эпохи, он показал, что «в культурных и идейных течениях нашей эпохи дегуманизация идет в двух направлениях – в сторону натурализма и в сторону техницизма» [4, с. 172]. Философ показывает, что процесс дегуманизации не случаен, а принципиален, и идет в основных сферах человеческого духа – в науке, технике и даже в литературе...

Несколько ранее Н.А. Бердяева этот поворот к дегуманизации зафиксировал в своем знаменитом «Закате Европы» один из основоположников современной философии культуры О. Шпенглер. Противопоставляя культуру цивилизации, немецкий философ отмечает: «Человек культуры живет внутренней жизнью, цивилизованный человек – внешней, в пространстве, среди тел и «фактов». Что один ощущает как судьбу, другой понимает как взаимосвязь причины и следствия. Отныне каждый оказывается материалистом в присущем только цивилизации смысле, безотносительно к тому, хочет он этого или нет, независимо от того, прилаживаются ли буддистское,

стоическое, социалистическое учения к религиозным формам или нет» [16, с. 539]. Заметим, О. Шпенглер связывает процесс дегуманизации с противоречиями культуры и цивилизации между собой.

В полной мере такое испытание справедливости, гуманизму и духовности выпало на рубеже веков и тысячелетий вновь образованной России. Любому обществу присущ сложный процесс формирования ценностей, которые затрагивают состояние патриотизма в обществе. И таковыми оказались российские реалии последних десятилетий. При всей исторической преемственности в сохранении, функционировании и трансляции культурных ценностей из поколения в поколение, сегодня в российском обществе налицо явное противоречие между декларируемыми гуманистическими идеалами и ценностями и действительной социально-политической практикой государства, характеризующейся открытой бездуховностью, что подтверждается многочисленными социологическими исследованиями [1].

Особенно тревожно, что это противоречие между декларируемыми гуманистическими идеалами и ценностями и действительной социально-политической практикой государства имеет непосредственное отношение к молодежи. Как отмечает Л. Баева, «результаты анкетирования современных студентов показывают, что представления о духовности крайне размыты, не имеют четких контуров и смыслов. Духовность трактуется как что-то позитивное "в целом", но "невостребованное сегодня"» [2, с. 56]. Социологические исследования также свидетельствуют о том, что сегодня подрывается сама основа духовности – общественно-полезный труд, материальное производство. «Проведенный анкетный опрос школьников, учащихся колледжей показал, что 24,4 % учеников и 90,9 % родителей считают труд средством зарабатывания на жизнь и лишь 5,5 % обучающихся и 9,1 % родителей видят в нем средство духовного развития человека» [14, с. 55].

И тут проблема даже не в результатах современных тенденций духовной жизни – монополии массовой культуры, демократизации общества и т.п., когда сменяются гуманистические идеалы, связанные с ценностями классической древности. Культурологи и философы культуры еще в середине XX в. зафиксировали и во многом осмыслили тот факт, что на их место приходят новые ценности, составляющие новый гуманистический идеал, «в нашем собственном обществе существует острый конфликт и конкуренция между двумя культурными идеалами: относительно аристократическим и более демократическим. Первый идеал "гуманистический", второй – более демократический и стремящийся заменить первый». Но эта современная форма гуманизма, «в противовес "изысканному" идеалу аристократа и кавалера, она несомненно демократична; она не подчеркивает лишь социальную избранность и элитантность речи; она стремится к "культивированию" в высоком смысле, в смысле одухотворенности». К числу же негативных аспектов нового гуманистического идеала К. Манхейм относит, в частности, то, что в своем стремлении создать «гармоничную», «целостную» личность он отворачивается от человеческих потенциалов и нацелен на «культивацию» специалиста, что препятствует освоению гуманизма достаточно широкими народными массами [13, с. 223–224].

Но на фоне этого временного кризиса российской духовности нельзя забывать, что если духовность предстает как сущностный результат культуры, независимый от ее эмпирических составляющих – знаний, интеллекта, опыта и т.п., то гуманизм – это парадигма и механизм достижения этого результата, подчинение этого результата интересам и потребностям личности.

Духовность, как уже отмечалось, устойчива, некая константа связи человека с высшим, с абсолютным, в этом она сродни с патриотизмом. Гуманизм подвижен, более конкретно историчен, предстает как средство для высшей цели – духовности. Придавая в таком органическом единстве сущностный смысл патриотизму, они обуславливают его особое, во всяком случае, отличное от цивилизационного, функционирование в культуре. Можно согласиться, что по своей сути «патриотизм в культуре гуманистичен, устремлен к славе, тяготеет к духовному величию» [12, с. 306], тогда как патриотизм в цивилизации деформирован именно упомянутой дегуманизацией, кото-

рая, по мнению Н.А. Бердяева, связана с одержимой волей цивилизации «к организации и рационализации жизни», «к возрастающему могуществу»[3, с. 543].

Таким образом, исходя из методологического подхода, общего для любой исторически конкретной культуры и цивилизации о принципиальном различии патриотизма в культуре и в цивилизации, мы пришли к выводу: патриотизм как содержательная часть культуры основан на национальном сознании и самосознании, на религии, а также на сущностной тождественности с гуманизмом и духовностью.

Список литературы

1. Багаутдинов А. М. Становление молодого человека в обновляющемся российском обществе / А. М. Багаутдинов // Экономика и управление. – 2003. – № 1.
2. Баева Л. В. Информационная эпоха: метаморфозы классических ценностей : монография / Л. В. Баева. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2008. – С. 56.
3. Бердяев Н. А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация // Бердяев Н.А. Дух и реальность / Н. А. Бердяев ; вступ. ст. и сост. В. Н. Каложного. – М.: АСТ – Харьков : Фолио, 2003. – С. 543.
4. Бердяев Н. А. Судьба человека в современном мире. К пониманию нашей эпохи / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Дух и реальность ; вступ. ст. и сост. В. Н. Каложного. – М. : АСТ – Харьков : Фолио, 2003. – С. 172.
5. Билалов М. И. Понятийное содержание дагестанского патриотизма / М. И. Билалов // Патриотическое воспитание студентов – важнейшая задача вузов. – Махачкала, 2002. – С. 35–38.
6. Билалов М. И. Патриотическое воспитание как тождество двух противоположностей – прошлого и будущего / М. И. Билалов // Взаимодействие государства и гражданских институтов в патриотическом воспитании детей и молодежи. – Махачкала, 2007. – С. 46.
7. Галкина Е. В. Патриотизм в контексте сохранения и развития человеческого капитала: национальный и региональный уровни / Е. В. Галкина, И. В. Конопелько // Россия в процессе модернизации: социально-политические аспекты : мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. (5–6 марта 2010 г.). – Армавир : РИЦ АГПУ, 2010. – Т. II. – С. 48.
8. Гасанов З. Т. Воспитание учащихся в духе дружбы народов / З. Т. Гасанов. – Махачкала : Дагучпедгиз, 1966. – С. 25.
9. Калханова С. А. Глобализация и ценности традиционного общества / С. А. Калханова // Человек в современных философских концепциях. – Волгоград, 2007. – Т. 4. – С. 478.
10. Камуселла Т. Национализм / Т. Камуселла // Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь / гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. – М. – СПб. : ЕЛИМА ; Питер, 2006. – С. 602.
11. Карабущенко П. Л. Религиозная элитность и элитология религии / П. Л. Карабущенко // Христианство и Культура (к 2000-летию Христианства) : мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (Астрахань, 15–18 мая 2000 г.) : в 2 ч. – Астрахань : Изд-во «ЦНТЭП», 2000. – Ч. I. – С. 145, 149.
12. Максимова Н. Ю. Соотношение патриотизма цивилизации и культуры как методологическая проблема / Н. Ю. Максимова // Наука. Философия. Общество : мат-лы V Российск. философ. конгресса. – Новосибирск : Параллель, 2009. – Т. II. – С. 305, 306.
13. Манхейм К. Демократизация культуры / К. Манхейм // Культурология XX век: Антология. Философия и социология культуры. – М., 1994. – С. 223–224.
14. Тайчинов М. Г. Формирование готовности учащихся к созидательному труду / М. Г. Тайчинов // Педагогика. – 2009. – № 10. – С. 55.
15. Швейцер А. Этика и культура / А. Швейцер. – М. : Прогресс, 1973.
16. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Гештальт и действительность / О. Шпенглер ; пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К. А. Свасьяна. – М. : Мысль, 1993. – С. 539.
17. Юнусова К. А. Этническая идентификация личности как фактор патриотического воспитания / К. А. Юнусова // Педагогика. – 2009. – № 1. – С. 47.